

**ВКУС КАК ВСЕОБЩАЯ
И ИСКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ СПОСОБНОСТЬ:
АНАЛИЗ ПОДХОДОВ**

А. Г. Вяткина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 15 сентября 2013 г.

Аннотация: *статья посвящена проблеме вкуса в духовной, интеллектуальной жизни человека и общества. Обосновывается введение понятия культурного вкуса как способности суждения и оценивания в таких областях культуры, как наука, искусство, философия. Осуществляется выделение и противопоставление двух подходов к пониманию данной способности. Первый рассматривает культурный вкус как всеобщую естественную способность; второй – как способность редкую и исключительную, воспитанную в процессе усвоения лучших культурных достижений человечества.*

Ключевые слова: *вкус, культурный вкус, научный вкус, чувственность.*

Abstract: *the article is devoted to the problem of sense in spiritual, intellectual life of man and society. This article proves the introduction of concept of cultural sense as ability of judgment and estimation in such areas of culture, as science, art, philosophy. In the article allocation and opposition of two approaches to understanding of this ability is carried out. The first considers cultural sense as universal ability given to the man from nature. Within the second approach proves the statement that sense is special talent, educated in the process of assimilation of the best cultural achievements of humanity.*

Key words: *sense, cultural sense, scientific sense, sensuality.*

Люди часто руководствуются не столько
вкусом, сколько пристрастием...

Жан де Лабрюйер

Слово «вкус» в разговорном языке используется в различных смыслах, поэтому первоочередной целью является ввести данное понятие, определив его смысл относительно существующей практики разговорного и научного применения. Причем целесообразнее осуществить это в несколько этапов, последовательно ограничивая многообразие сферы, связанной с исследованием проблемы вкуса, одновременно проясняя и расширяя смысл исследуемого понятия.

В связи с этим не случаен выбор определения, данного Вольтером. С одной стороны, оно связано с разговорной практикой, с другой – нацелено на научное обобщение. «Вкус, то есть чутье, дар различать свойства пищи, породил во всех известных нам языках метафору, где словом “вкус” обозначается чувствительность к прекрасному и уродливому в искусствах: художественный вкус столь же скор на разбор, предваряющий размышление, как язык и небо, столь же чувствен и падок на хорошее, столь же нетерпим к дурному; нередко он бывает столь же неопределе-

нен, сбивчив и теряется перед необходимостью судить, хорошо ли то, что ему предложено, и подчас требуются время и сила привычки, чтобы воспитать вкус» [1, с. 267–268].

Данное определение объемлет частный случай понятия вкуса, обозначающего возможность ощущать воздействие еды на вкусовые рецепторы. Высказывание «я ощущаю вкус пищи», согласно приведенной формулировке Вольтера, будет звучать так: моя способность определять воздействие еды, т.е. различать хорошее и плохое в пище, работает. Но обратим внимание на два следующих высказывания: «человек имеет вкус в выборе одежды» и «человек различает вкус в пище». В отношении способности, на основе которой осуществляется процедура установления хорошего и плохого, в указанных двух случаях обнаруживается значимый нюанс. В первом высказывании, о выборе одежды, вкус есть позиционирование способности как некоторой особенности индивидуума, заключающейся в умении различать хорошее и плохое в указанной сфере. Что касается второго случая, здесь имеет место только констатация механизма действия определенной способности – механизма различения вкуса еды. Действительно, все люди могут различать вкус пищи (это особенность физиологии), но не все имеют вкус в одежде, поскольку последняя способность не определяется общей для всех физиологической организацией.

Заметим, что говоря о возможности использования понятия вкуса применительно к духовной жизни человека, Вольтер имеет в виду сферу искусства. Хотя изначально данное понятие возникло не только применительно к отдельно взятой области духовной культуры, но использовалось как способность оценки духовной деятельности человека в целом, взятой во всем многообразии ее форм. Однако весьма скоро последующее развитие дискурса о проблеме вкуса сместилось в область эстетики, и вкус духовный стал отождествляться с эстетическим. Между тем представляется возможным говорить о данной способности в гораздо более широком контексте. Способность различать хорошее и плохое имеет место во всех сферах духовной деятельности человека.

В то же время между вкусом в таких областях, как, например, наука, искусство, и вкусом в одежде есть существенное различие, сразу бросающееся в глаза при одном только перечислении. Очевидно, обладание вкусом в одежде не предполагает исключительности пути, пройденного индивидуумом для его обретения (хотя наличие той или иной практики в выборе, ношении одежды все-таки предполагается в качестве условия). По сути, приложив определенные усилия, большинство людей могут приобрести хороший вкус в одежде. Собственно это мы и наблюдаем сегодня, когда широкий доступ различной информации относительно данного вопроса и определенное увеличение благосостояния граждан позволяют всё большему числу людей одеваться со вкусом, находить подходящий для себя стиль и образ. Зачастую эта способность формируется без специального приложения усилий со стороны индивида и действует больше интуитивно. Тогда как для перечисленных выше сфер несомненной является необходимость длительного совершенствования способно-

стей именно в указанных областях. Причем успешность их освоения и, соответственно, развитие вкуса отнюдь не гарантируются даже, если эта длительность равняется протяжению всей жизни.

Глубина постижения сложных и многосторонних областей культуры зависит не только от личных качеств человека, наследственных или приобретенных, затраченных усилий, но и от удачного стечения обстоятельств, предоставивших человеку возможность учиться на лучших примерах.

Понимание того, что требующееся для воспитания вкуса количество усилий, талантов будет весьма существенно различаться в зависимости от выбранной предметной сферы, мы встречаем у Ж. де Лабрюйера, представителя французского аристократического общества, где культивирование искомой способности пронизывало буквально все сферы жизни: «Нужно очень немного, чтобы отличаться утонченностью манер, и очень многое, чтобы отличаться утонченностью ума» [2, с. 348]. Не случайно возникает деление духовной культуры на высокую и низкую. Овладение теми областями, которые относятся к рангу низкой культуры, доступно практически каждому человеку в большей или меньшей степени, чего нельзя сказать о явлениях высокой культуры. И хотя вкус в сферах высокой культуры и вкус как способность человека различать особенности пищи имеют общий механизм действия, заключающийся в умении распознавать качества и свойства предмета, отбирая пригодное и хорошее, отвергая непригодное и плохое, однако различать вкус пищи способны и животные, и собственно все здоровые люди, в то время как выносить суждения в указанных областях – лишь немногие.

Как следует из сказанного, чтобы дать понятию вкуса строгое определение, необходимо учитывать предметную сферу, в которой это понятие применяется. Поэтому для выделения особенностей вкуса в сфере высокой культуры с точки зрения существенного неравенства людей в возможности обладания интересующей нас способностью, мы введем понятие «культурный вкус». Данное понятие предполагает собственно охват областей высокой культуры, которые создавались исключительно людьми, владевшими определенной степенью развития способности различать хорошее и плохое и именно в строго определенной области. Если воспользоваться традиционным делением, взятым из философских словарей и энциклопедий, в духовной культуре можно различить следующие сферы: искусство, философию, мораль, политику, право, науку, религию. Одни источники делают этот список более длинным, выделяя дополнительные области: образование, воспитание, экономика и т.д.; другие – стремятся сделать его более емким, сокращая перечень до шести или пяти пунктов. Последнее стремление представляется более оправданным. Ведь если посмотреть сквозь многообразие культурных явлений, можно заметить, что некоторые выделенные сферы в сути своей сводимы друг к другу. Как, например, право, мораль, религия. Духовная деятельность в этих сферах так или иначе направлена на формирование представлений о должном. Пытаясь выделить сухой остаток несводимых друг к другу областей, разграничим три равнозначные сферы духовной

культуры, к которым справедливо применение понятия культурного вкуса: сферу морали, сферу о должном, или искусство жить; сферу науки, сферу о сущем, или искусство мыслить; и собственно сферу искусства как художественного представления действительности.

В рамках используемого понятия сразу предполагается некоторая определенность возможного ответа при постановке следующих вопросов: является ли культурный вкус врожденной способностью? Нет, вкус может быть приобретен только в процессе занятия соответствующей деятельностью на протяжении жизни индивида. Возможно ли, чтобы любой человек приобрел вкус, занимаясь данной деятельностью (т.е. занимался ею определенное время, необходимое для выработки этой способности)? Общетеоретически это возможно. Однако, как мы уже отмечали, практика взаимодействия людей с явлениями культуры показывает, что наличие культурного вкуса есть способность исключительная, т.е. удел очень немногих людей.

Развиваемый подход по сути своей противоположен воззрению представителей так называемой массовой культуры. Он предполагает, что суждению вкуса, выносимому знатоком в своей области, предшествует огромная работа, долгий путь размышлений и опыт соприкосновения с предметами, подлежащими оценке. Однако для сознания человека массовой культуры непреложной истиной выступает утверждение, что выносить суждение вкуса в сферах, определяемых нами как высокая культура, может каждый. Кроме того, каждый имеет право настаивать на своей оценке, не принимая во внимание чью бы то ни было позицию. Нередко можно увидеть, как, ознакомившись с парой-тройкой популярных книг по физике, философии или искусствоведению, нахватавшись научнообразных выражений и терминов, индивид почитает себя знатоком в проблемах мироустройства и человеческой души, имеющим право выносить суждения, критиковать, отстаивать свою позицию. Подобные демократические настроения особенно процветают в сфере искусства. Если мораль не удобная почва для своеволия, так как среднестатистическому индивиду, желающему утвердиться в социуме и за счет социума, волей-неволей, по сути или формально, но приходится принимать господствующие в нем ценности, в частности и этические, поставив галочки в графах любовь, взаимопомощь, сочувствие, семья и др., то оценивание в области искусства для непрофессионала не представляет такой серьезности. Рядовому представителю массовой культуры кажется, что мир воображаемого в искусстве не подчинен никаким правилам и в нем нет препятствий для ничем не ограниченного произволения. Вынесение оценок в этой области зачастую рассматривается как нечто сравнительно простое, доступное для каждого, предполагающее по большому счету лишь умение воспринимать, созерцать. Далее, если обыватель еще готов признать, что он мало понимает в науке, ибо уравнения, как ни крути, надо решать, а не только созерцать, то в эстетике в этом отношении почитать себя знатоком гораздо удобнее. Кажется, что тут от тебя требуется только зарегистрировать свои эмоции, свое чувство удовольствия или неудовольствия. Тем более что возникшее в результате мнение опровер-

гает не эксперимент, не опыт, не логика, а всего лишь другой человек, обладающий отличным представлением. А если, как полагает современный обыватель, выражающий взгляд массовой культуры, все люди равны, то впору объявить ничью – «о вкусах не спорят». Эта расхожая фраза, неизменно встающая на стражу любого «а мне нравится» или «а мне не нравится», обладает практически характером закона.

Опорой рассматриваемому представлению служит убеждение, что эстетический вкус – это естественная, прирожденная способность, в той или иной мере присущая каждому человеку. Данную точку зрения можно обнаружить, в частности, в английской эстетической традиции, представленной именами Д. Аддисона, Э. Шефтсбери, Ф. Хатчесона, Д. Юма, Э. Бёрка. К примеру, Хатчесон определял эстетический, или «изящный» вкус как особое, прирожденное, внутреннее чувство, позволяющее воспринимать красоту: «...У людей существует какое-то чувство прекрасного, данное от природы» [3, с. 48].

Более внимательно остановимся на позициях Юма и Бёрка. Оба философа полагали, что при существующем разнообразии вкусов принципы и свойства, составляющие основу действия данной способности, одинаковы у всех людей. «Главные принципы вкуса единообразно присущи человеческой природе», – пишет Юм [4, с. 321]. Это представление разделяет и Бёрк: «Пока мы рассматриваем вкус просто в соответствии с его природой и видами, мы обнаруживаем, что его принципы совершенно единообразны, но степень, в которой эти принципы преобладают у разных представителей человеческого рода, в целом может иметь самое разное значение... Ибо чувствительность и рассудительность – качества, составляющие то, что мы обычно называем вкусом, – у разных людей в высшей степени различны» [5, с. 59]. Оба мыслителя полагали, что искомая способность складывается из двух составляющих: чувственности и рассудка, которые «единообразно присущи» каждому человеку.

Действительно, у всех людей, не имеющих в своем развитии отклонений от нормы, имеется одинаковая организация чувственно-рационального аппарата. Попробуем теперь спроецировать приведенную логическую схему на практику. При этом мы получим следующий вывод: раз у вас есть глаза – чтобы видеть, слух – чтобы воспринимать звуки, и не нарушена элементарная способность рассудка, имеющаяся у всякого нормального человека, то, придя в художественную галерею или посетив вечер классической музыки, вы с полным правом можете выносить свою оценку, руководимую не мнением, а суждением вкуса. А основанием для данного суждения выступает не что иное, как чувство удовольствия или неудовольствия. Аддисон, рассматривая вкус в искусстве, пишет: «...Я думаю, что могу определить его как способность души, приносящей удовольствие при встрече с красотой у какого-либо автора и доставляющей неудовольствие при встрече с несовершенством» [6, с. 16]. Если в оценке художественных произведений человеку предлагается ориентироваться на собственное чувство, то что же в таком случае есть отсутствие компетентности в рассматриваемом вопросе? Не является ли данное отсутствие неверной оценкой собствен-

ного переживания? Если учесть, что это практически невозможно, – как утверждает Кант, мы всегда сами чувствуем, какое воздействие оказывает на нас представление, – то нельзя сказать, что у кого-то нет вкуса или он не компетентен в данном вопросе и не имеет права выносить суждение в той области, относительно которой у него нет ничего, кроме собственных чувств и субъективного «нравится – не нравится».

Демократические настроения представленного подхода, дающего право каждому выносить оценку вкуса, вполне логично дополняются несложным и необременительным способом реализации этого права, когда для вынесения оценки относительного прекрасного требуется только зафиксировать собственное чувство удовольствия или неудовольствия. Очевидно, что требования, предъявляемые ко всем, должны быть максимально упрощенными. Более сложный набор предписаний обрекает способность вкуса на исключительность, а его обладателя на особенность или даже редкость.

Нельзя не заметить, что именно этот подход прочно укоренился в сознании представителя массовой культуры, от которого весьма часто можно слышать следующие «суждения» относительно явлений высокого искусства: у меня же есть глаза, и я вижу, что плохо, что здесь нет ничего особенного. Вероятно, чтобы это особенное увидеть, мало зрения как физической способности.

Вместе с тем во взглядах Юма и Бёрка обнаруживается и существенное расхождение. Если Юм полагал, что «дух каждого человека усматривает иную красоту» [4, с. 306] и потому о вкусах не спорят, то Бёрк был убежден, что существуют принципы, «настолько общие для всех, настолько обоснованные и определенные, что благодаря этому представляется возможность убедительно рассуждать о них. Я полагаю, что такие принципы вкуса существуют...» [5, с. 48]. Он исходил из того, что всем людям присуща единообразная психофизическая организация, поэтому «...удовольствия, которые каждый предмет возбуждает у одного человека, он должен возбуждать у всех людей...» [5, с. 49]. Бёрк утверждал, что всем людям нравятся, в частности, предметы или изображения небольшого размера, имеющие плавные переходы, не производящие впечатления значительной силы, но, напротив, слабости и хрупкости. При этом различия, существующие в предпочтениях вкуса, объясняются только степенью чувствительности или недостатками рассудительности: невнимательностью, упрямством и пр. Не будем останавливаться на рассмотрении упрощенности во взглядах английского мыслителя на проблемы психологии и вкуса, она во многом представляется очевидной. Обратим лишь внимание, что при таком подходе культурное воспитание исключается как значимый фактор для развития хорошего вкуса. Что же касается юмовского «принципа естественного равенства вкусов», с этой точки зрения различие характеристик «хороший» и «плохой» применительно к рассматриваемой способности и вовсе лишено всякого смысла: то, что является хорошим для одного человека, представляется дурным для другого, и при этом не важно, обладает ли кто-то из них хоть какой-то степенью культурного развития.

Несмотря на определенные различия в понимании проблемы вкуса, Юм и Бёрк сходятся во мнении, что наличие у всех людей чувственности и рассудка как условий, из которых складывается действие рассматриваемой способности, позволяет каждому выносить оценку вкуса, в частности, и в сфере высокой культуры. К числу сторонников рассматриваемой точки зрения можно отнести и Канта. Немецкий классик ставит целью обоснование трансцендентальной природы эстетической способности суждения, что изначально характеризует ее как общечеловеческое свойство. Эстетическое удовольствие «необходимо должно основываться у каждого на одних и тех же условиях, поскольку они – субъективные условия возможности познания вообще и поскольку соотношение этих познавательных способностей, требующееся для вкуса, необходимо для обычного здравого рассудка, наличие которого мы можем предполагать у каждого» [7, с. 165]. Кант вслед за английскими мыслителями утверждает, что способность вкуса основывается на одних и тех же познавательных способностях, наличие которых «мы можем предполагать у каждого», и проявляется в чувстве удовольствия или неудовольствия, испытываемых при восприятии определенного представления. Однако вместе с тем добавляет еще одно условие, необходимое для вынесения суждения вкуса. «Вкус есть способность судить о предмете или о способе представления на основании удовольствия или неудовольствия, свободного от всякого интереса. Предмет такого удовольствия называется прекрасным» [8, с. 154]. Важным условием «чистоты» суждения вкуса является его незаинтересованность. Интересом называется благорасположение, которое мы испытываем от существования вещи.

Как поясняет Л. Н. Столович, «эстетическое отношение к любому явлению не может не быть бескорыстным: воспринимая его как прекрасное, человек не ждет от него личной выгоды или непосредственной утилитарной пользы. Эстетическое отношение к дереву, например, мгновенно прекращается, как только начинаешь высчитывать, сколько можно получить из него кубометров дров» [9, с. 26]. По словам Канта, когда дело касается оценки вкуса, мы должны исключить из нашего восприятия все те значения, которые имеет вещь для нашего непосредственного, обыденного существования, а также и все эмоции, возникающие по отношению к ней в связи с этим существованием, например, приятность, трогательность, грусть и др. «...Это в свою очередь достигается посредством того, что по возможности опускают то, что в представлении есть материя, то есть ощущение, и обращают внимание лишь на формальные особенности своего представления... Быть может, эта операция рефлексии покажется слишком изощренной, сложной, чтобы приписывать ее способности, именуемой нами общим чувством; однако она лишь кажется таковой, когда ее выражают в абстрактных формулах; на самом деле нет ничего более естественного, чем абстрагирование от привлекательности или трогательности, когда ищут суждение, которое должно служить общим правилом» [7, с. 166].

Согласно Канту, вынесение незаинтересованного суждения в области искусства не есть сложная операция, напротив, оно определяется как естественная способность, доступная каждому. Кроме того, философ пола-

гает, что при выполнении данной операции человек может претендовать на всеобщее одобрение своей оценки: «Чтобы иметь право притязать на всеобщее согласие с суждением, вынесенным эстетической способностью суждения и покоящимся только на субъективных основаниях, достаточно допустить: 1) что у всех людей субъективные условия этой способности в том, что касается отношения приведенных в действие познавательных способностей для познания вообще, одинаковы; это должно соответствовать истине... 2) что суждение принимало во внимание только это отношение (тем самым только формальное условие способности суждения), и поэтому оно есть чистое суждение...» [7, с. 162]. Таким образом, имеет право выносить суждение вкуса, а при выполнении второго условия еще и претендовать на всеобщее согласие с собственной оценкой.

В то же время Кант многократно подчеркивал важность культуры в развитии хорошего вкуса: без ее усвоения данная способность «остается грубой и неразвитой». «Из всех способностей и талантов вкус... есть именно то, что больше всего нуждается в примерах, в том, что в процессе развития культуры дольше всего встречало одобрение; это ему необходимо, чтобы вновь не впасть в грубость и не вернуться к элементарности первых опытов» [7, с. 155].

Однако, если говорить об эстетической культуре, представленной множеством различных традиций, школ, течений, то она вносит существенные различия в предпочтения вкуса. Приобщение к ней является эмпирическим фактором в развитии рассматриваемой способности, но не есть условие возможности вкуса как способности трансцендентальной и всеобщей. Каким же образом при вынесении оценки можно претендовать на одобрение каждого человека? Данный вопрос проясняется в последующем изложении, где философ рассматривает, в чем заключается умопостигаемое, высшее значение прекрасного, что представляет собой вкус в его трансцендентальном значении и соответственно культура, необходимая для развития данной способности. Как гласит один из заключительных выводов Третьей критики, прекрасное есть символ нравственно доброго. Отсюда вытекает следующая характеристика вкуса и требующейся для него культуры: «...Так как вкус, по существу, есть способность судить о чувственном воплощении нравственных идей... из чего... выводится то удовольствие, которое вкус объявляет значимым для человечества в целом, а не только для личного чувства каждого, – то очевидно, что истинной пропедевтикой к утверждению вкуса служит развитие нравственных идей и культура морального чувства, ибо только в том случае, если чувственность приведена в согласие с ними, подлинный вкус может принять определенную неизменную форму» [7, с. 231].

Говоря о необходимости приобщения к культуре для развития вкуса, имеющего право претендовать на всеобщее согласие, философ имеет в виду не культуру той или иной области искусства, взятой с позиции своих собственно художественных определений, но в первую очередь культуру гуманистическую. Естественно, как она предстает в кантовском понимании, а именно: как «культура душевных сил, которая достигается по-

средством предварительных знаний, называемых *humaniora*, вероятно, потому, что гуманность означает, с одной стороны, общее чувство участливости, с другой – способность быть глубоко искренним в своем сообщении другим о себе» [7, с. 230]. Поскольку всеобщий характер нравственных идей у Канта сомнений не вызывает, то воздействие *humaniora* на «моральные задатки», или «задатки чувства идей практических», которыми, по мысли философа, обладает каждый человек, должно привести к формированию общей для всех «культуры душевных сил», одобряющей и считающей прекрасным всё то, что является символом нравственно доброго и представляет собой чувственное воплощение идей практических.

Не будем подвергать сомнению представление о прекрасном как чувственном выражении морального, а также касаться иного понимания, согласно которому воздействующее на чувственность прекрасное более всего способно искушать и соблазнять, а потому в гораздо большем числе случаев оказывается противником добра, нежели его союзником, или же вовсе находится по ту сторону добра и зла. Всё это – сюжеты, требующие специального рассмотрения. Кроме того, не станем долго останавливаться на вопросе, являются ли общительность, искренность и стремление выражать другим свои чувства столь ценными качествами, как полагал Кант, и действительно ли они необходимы для развития вкуса. Но позволим себе усомниться в этом, приведя слова другого мыслителя, занимавшегося рассматриваемой проблемой, испанского философа Б. Грасиана, для которого несомненной ценностью выступало такое личностное качество, как сдержанность в чувствах, особенно необходимое для развития искомой способности. Поистине достойное восторгов и оваций крайне редко, едва ли не исключительно, а потому всегда стоит точно взвешивать свои эмоции, не расточая слишком много на то, что стоит сравнительно мало. Прекрасно стремиться передать свои чувства другому, но представляется, что раз уж речь идет не о любви, но о сфере высокой культуры, то скорее стоит удостовериться не столько в искренности своих чувств, сколько в их художественной ценности, а также в справедливости своих суждений. Что же касается общительности, то данному свойству Грасиан более предпочитал замкнутость и строгую избирательность в отношении людей, полагая, что именно эти качества ведут к совершенствованию культуры души, а вместе с тем способствуют и культивированию в способности вкуса умения отбирать лучшее и превосходное. Этой же позиции придерживался и Лабрюйер, утверждавший, что даже самый цвет общества прививает человеку, обладающему здравым умом, «вкус к одиночеству и замкнутой жизни».

Здесь важно отметить, что попытка критиковать кантовскую эстетическую систему наталкивается на то, что «Кант не был знатоком и ценителем искусства, и его интерес к проблеме прекрасного выросал не из желания разрешить трудности, возникавшие в области эстетики как философии искусства» [10, с. 79]. Как известно, интерес этот был связан со стремлением решить проблемы внутри собственной философии, найдя опосредующие связующие звенья между теоретической и практической системами. В этом смысле Кант не был беспристрастным исследовате-

лем прекрасного и способности вкуса. Так, ценность тех качеств, которые философ полагает необходимыми для развития искомой способности, оказывается вполне обоснованной, исходя из внутренней логики его эстетической системы, но вызывает сомнение, если принять во внимание природу самого феномена вкуса.

Обращаясь к рассмотрению той точки зрения, которая противопоставит подходу массовой культуры и взирает на проблему вкуса с прямо противоположных оснований, с самого начала стоит отметить, что она отрицает понимание культурного вкуса как способности естественной, легкодоступной для каждого, а вместе с тем и обоснованность претензии на всеобщее одобрение. Одним из наиболее ярких выразителей данной позиции является испанский философ и теоретик литературы XVII в. Б. Грасиан. Его представления заслуживают внимания как начало, положенное размышлению о данной способности.

Именно Грасиан в своих трудах впервые обратился к рассмотрению проблемы вкуса, становление которой традиционно связывается с его исследованием «Карманный оракул», послужившим импульсом для последующих философских исканий в этой области. Сама работа увидела свет в середине XVII в., когда Испания переживала период небывалого культурного расцвета, не случайно получившего название «золотого века». Время с конца XVI в. до 80-х гг. XVII в. в области искусства стало поистине «золотым»: Л. де Вега, Кальдерон, Сервантес в литературе; М. Сурбаран и Веласкес в живописи – имена, которые Испания вписала в мировое наследие. «Со второй половины XVI в. доминирующим культурным влиянием в Европе стала обладать Испания, королевский двор которой по численности, строгости этикета и церемониала считался образцовым вплоть до середины XVII в., когда инициативу окончательно перехватил его главный соперник — двор французский» [11, с. 23]. То есть фактически к моменту написания «Карманного оракула» за плечами Испании была длительная практика определения, что есть лучшее в культурной жизни европейского общества. К тому же «Карманный оракул» представляет собой попытку осмысления и обобщения практики упражнения способности вкуса в различении плохого и хорошего, выделении лучшего в той или иной конкретной области. Грасиан признает несомненную ценность данной способности: «Многое в жизни зависит от разборчивости, для чего требуются хороший вкус и верное суждение, – прилежанием и даже хитроумием тут не возьмешь. Где нет отбора, нет совершенства; уменье отбирать, и только наилучшее, – двойное преимущество» [12, с. 15]; «Добираться во всем до лучшего – счастливый удел хорошего вкуса» [там же, с. 32]. Умение отличать превосходные образцы – главная задача способности вкуса. При этом направленность на нахождение лучшего сохраняется не только применительно к сфере высокой культуры, но и к выбору деятельности, досуга, круга друзей, манеры поведения, обращения в обществе, интересов, – всё это, по мнению испанского философа, отличает благородного человека – обладателя хорошего вкуса.

Причем под лучшим Грасиан понимает не то, что оказывается таковым для данного конкретного индивида, направляемого в своем выборе

собственными субъективными предпочтениями. То есть речь не о том, что является лучшим лично для меня или для него, но о том, что есть лучшее в некоей культурной области с точки зрения всех достижений, опыта и знаний, накопленных на протяжении истории ее существования. Иными словами, речь идет о высшем с точки зрения человечества и его завоеваний в этой области. Грасиан словами одного из героев своего произведения прекрасно выразил суть этого вопроса: «...Когда еще нет вкуса, повинуются лишь своим вкусам» [13, с. 195]. При этом в первом случае слово «вкус» употребляется в единственном числе, а во втором – во множественном. Действительно, «свои вкусы» – это и есть то, что Лабрюйер называет пристрастиями, их много, они изменчивы, неустойчивы, подвластны настроению, капризам моды, погоды и другим сиюминутным влияниям. Что же касается первого употребления данного слова, то речь идет о вкусе как устойчивой характеристике в оценках, по определению Вольтера, «чувствительности», «чутье» особого рода, имеющем под собой твердую основу, сформированную в процессе длительного усвоения знаний своей области, подкрепленных опытом, выверенных временем. Такая оценка не зависит от влияния «пристрастий», которые, кстати сказать, могут находить привлекательными вещи, вызывающие неудовольствие нашего культурного вкуса. Ведь можно отдавать чему-то предпочтение, несмотря на неприятие этого собственным вкусом.

Весьма сложно понять данную мысль человеку, впитавшему в себя безыскусные идеалы того гуманизма, который исходит из безусловной ценности человеческих переживаний и сводит все перипетии души к конфликту чувств и разума, однозначно становясь на сторону первых. При чем сама ценность эмоций определяется по большому счету степенью их интенсивности. Разве может переживание, выворачивающее душу наизнанку, не быть подлинным, настоящим и истинным? Здесь легко можно согласиться: настоящим оно действительно является, но обладает ли оно при этом хоть какой-то ценностью – большой вопрос. Гуманизму такого рода и невдомек, что чувство чувству рознь. Есть чувства, воспитанные, культивированные под рациональным воздействием; возможна ситуация конфликта между чувством и чувством; порой еле заметное, едва пробуждающееся чувство может стоить во сто крат больше, чем все потрясающие, сшибающие с ног эмоции вместе взятые. Кроме того, человек может отдавать себе отчет в ценности тех или иных эмоций и ставить первое намного выше последних. Наконец, «чувства» и «разум» – это лишь абстракции, отдельно друг от друга встречающиеся только как элементы нашего языка.

Но Грасиан – выразитель иной эпохи, прекрасно понимавшей, что необходимо учиться чувствовать. В особенности, когда речь идет о сфере высокой культуры. Дисциплинировать свои эмоции в определенном направлении не значит, как привычно полагают, утратить данную способность, стать бесчувственным, а значит впервые научиться чувствовать. Сама эта способность, будучи сформированной и воспитанной, поднимается на новую высоту. Здесь чувства делаются более избирательными, более взыскательными и утонченными, не расточаются на всё подряд,

удовлетворяясь лишь вещами рафинированными. Они взвешены, соразмерны качествам и достоинствам породившего их предмета, обретают ценность как труднодостижимая исключительная способность, поэтому дороги в противоположность изменчивым, сиюминутным переживаниям, сколь бы захватывающими последние не были. Нередко сильные эмоции есть свидетельство душевной слабости. В случае конфликта вкуса и пристрастий герой Грасиана отдал бы бесспорное предпочтение первому: чего стоит мое чувство удовольствия, когда я отчетливо вижу, что доставляющий его предмет гораздо хуже, нежели тот, от которого бы мне следовало его получать... В этом случае само переживание удовольствия рассматривается как негативная оценка своему вкусу, еще не научившемуся наслаждаться вещами высшего порядка. Оно отнюдь не выступает как одобрение произведения, мало достойного похвал. Прежде чем прислушиваться к собственным субъективным эмоциям, ища в них вердикт оцениваемому произведению, сперва стоит задать вопрос: насколько наше чувство удовольствия может свидетельствовать в пользу предмета, породившего данное переживание? Как справедливо замечает Ницше: «Все мы думаем, что достоинства художественного произведения или художника доказаны, если они на нас действуют или потрясают нас. Но ведь тут должны были бы сперва быть доказаны достоинства наших собственных суждений и ощущений – что не имеет места. <...> ...Не следует быть слишком уверенным в своем хорошем мнении о каком-нибудь художнике; такое мнение означает ведь не только веру в правдивость нашего ощущения, но и веру в непогрешимость нашего суждения, тогда как суждение или ощущение – или и то и другое – может быть слишком грубым и слишком тонким, слишком изысканным и слишком первобытным» [14, с. 151–152]. До тех пор пока не доказаны достоинства наших суждений и ощущений, у нас нет оснований придавать вес своим оценкам.

Убеждение, что в области эстетики чувства требуют воспитания и формирования, разделял, в частности, и Кант. Но только дисциплину чувств он усматривал, прежде всего, в направлении этического развития, понятого как воспитание культуры морального чувства. При этом философ разделял представление, что в оценке вкуса должно встать на точку зрения человечества. Однако это становление связывается опять-таки не столько с эстетическим, сколько с моральным совершенствованием, осуществляемым культурой *humaniora* на основе практических идей, наделяемых статусом всеобщей значимости. И поскольку эта значимость, по Канту, хоть и не утверждается актуально в жизни каждого человека, но на уровне задатков морального чувства наличествует у всех людей, то занятие точки зрения человечества вполне логично совпадает с оценкой всеобщего одобрения. Последнее и становится критерием лучшего.

В этом пункте обнаруживается еще одно различие противопоставляемых точек зрения на проблему вкуса. Если для Канта всеобщее одобрение и «всеобщая сообщаемость» удовольствия от восприятия произведения «почти беспредельно увеличивает его ценность», то позиция Грасиана выражает прямо противоположное: «Избегать общедоступности. Особенно во

вкусе. О, велик был мудрец, огорчавшийся, когда его творения нравились многим!» [12, с. 10]. Предпочтения большинства непритязательны при легком удовлетворении посредственными вещами. Тогда как развитый вкус, в течение длительного времени совершенствовавшийся в своей области и искушенный в том, что есть лучшего в ней, насыщается лишь превосходным. Кроме того, зачастую большинство людей, положительно оценивая признанный шедевр искусства, исходят не из его художественных достоинств, которые остаются незамеченными в силу отсутствия специальной подготовки, дающей способность увидеть, а именно из своих мнений и пристрастий, – просто некий сюжет оказался содержательно близок и понятен, вызвав определенные эмоции, чем и заслужил возгласы одобрения многих. Но при этом они не смогли уловить тонкостей выразительных средств, проработки деталей, оценить оригинальность композиции, отметить нюансы мастерства в создании произведения. А положительная оценка такого рода не льстит мудрецу, о котором говорит испанский философ.

Для Грасиана очевидно, что наличие вкуса можно засвидетельствовать далеко не у каждого человека. Данная способность приобретается в процессе приобщения и усвоения лучших творений культуры: «Для вкуса, как и для ума, необходима культура. Кто тонко чувствует, тот острее жаждет лучшего» [12, с. 17]. В то же время само по себе это приобщение еще не является гарантом того, что вкус, который сформируется в конечном итоге, можно будет оценить как хороший. Неверно выбранные ориентиры, отсутствие или незнание высших образцов в своей области даже при затрате длительного времени и многих усилий приводят к формированию плохого или очень плохого вкуса. «Свидетельство вкуса, воспитанного на лучшем, способного его оценить. Только тот, кто уже видел совершенное, сумеет его отличить», – пишет Грасиан [12, с. 43]. Очевидно, что тот, кто не соприкасался с превосходным и высшим, будет руководствоваться более низкими планками. Таким образом, иметь плохой вкус и не иметь его вовсе не одно и то же. В первом случае осуществлялся процесс воспитания, но только успех сопутствовал ему не всегда и не во всем, – вкус оказался слишком грубым или слишком невосприимчивым. Но это не то же самое, что случайно возникшее пристрастие. Даже плохой вкус – все же есть.

Для того чтобы точку зрения того или иного индивида можно было принимать во внимание, даже при ее негативной оценке, за его плечами уже должна быть некая подготовка, пройденная школа обучения. То есть, он должен подняться на определенную высоту и уверенно держаться на достигнутом уровне, с которого можно говорить о том, что человек знает свой предмет, владеет им. В данном случае нас не интересует, какие именно ступени ведут к этой высоте: понимание стилей, направлений, знание техник исполнения – всё это во многом зависит от выбранной области культуры. Важно, что без ее достижения о наличии искомой способности у человека не может быть и речи: могут обнаруживаться прекрасные задатки, высокая восприимчивость в какой-то области, но без усвоения культурного наследия можно говорить только о большом потенциале для возникновения хорошего вкуса.

Очевидно, что с позиции такого подхода притязание на всеобщее одобрение оценки вкуса лишается всякой резонности. Во-первых, как то, к чему должно стремиться, во-вторых, как то, чего возможно достичь. Это имеет место даже в случае, если предположить ситуацию, когда человек с высокоразвитым вкусом выносит суждение, абсолютно верно и безошибочно характеризующее свой предмет. Поскольку большинство людей не имеют вкуса вообще, то его согласие или несогласие с предлагаемой оценкой можно просто игнорировать, оно равным счетом не обладает никакой значимостью. А среди тех, оставшихся в меньшинстве, у кого можно засвидетельствовать его наличие, он либо плох, либо малоразвит. Поэтому притязать на всеобщее согласие – верх бессмыслицы: «совершенное доступно немногим».

Отсюда делается понятной исключительная важность опоры на авторитет. Ибо если не каждый обладает правом выносить решения, хорошо нечто или нет, то должен существовать трибунал, к компетенции которого относятся суждения подобного рода. Именно он определяет, что есть лучшее, каким принципам и нормам необходимо следовать, какие авторы и произведения достойны внимания. Положительная оценка авторитета обладает безусловной ценностью: «Мерило истинного удовлетворения – похвала славных и в деле сведущих» [12, с. 24]. Тогда как всеобщее одобрение, согласно представлению Грасиана, и вовсе не имеет никакой значимости. Философ предупреждает: «Огорчайся, коли все, что делаешь, всем нравится, – верный знак, что дела твои нехороши. Совершенное доступно немногим» [12, с. 55]. Аналогично обстоит дело и с критикой. Принимать во внимание стоит лишь замечания «славных и в деле сведущих». А от личности, являющейся признанным и несомненным авторитетом, критика порой бывает сродни комплименту: автор удостаивается критики – выделяется среди других как достойный обращения, т.е. за ним признается наличие определенных талантов. Что же касается порицаний несведущего большинства, то они, согласно Грасиану, стоят ровно столько же, сколько и похвала: «Совершенству не в ущерб, что кому-то оно не по душе...» [12, с. 24].

Направление в осмыслении проблемы вкуса, получившее свое начало от работы испанского философа, было взято в качестве основного эстетической и философской мыслью Франции XVII–XVIII вв. Соответственно, ключевое значение в развитии данной способности придавалось ориентации на авторитеты. «Спор о древних и новых», полемика во Французской академии, разгоревшаяся в конце XVII в., относительно достоинств античных и современных произведений, – тому доказательство, а не опровержение. Ведь целью дискуссии было не ниспровержение признанных авторитетов, но уточнение ориентиров в соответствии с тем развитием, которое прошла культура со времен античности. Собственный вкус, утверждает Н. Буало, выкристаллизовывается путем подчинения вкусу «разумных и утонченных людей всех веков и народов» [15, с. 318].

Иными словами важным условием существования и развития той или иной культурной области выступает наличие в ней авторитетного органа, или института, устанавливающего общезначимую систему рангов, оп-

ределяющего, что и на основании каких критериев необходимо отнести к разряду лучшего, а что оценивать со знаком «минус». В противном случае мы просто плутаем в множестве однопорядковых явлений, не будучи способными отличить среди них нечто ценное и стоящее. В качестве резюме нашего исследования можно привести слова Вольтера: «...Вкус подобен философии, он – достояние немногих избранных» [1, с. 279].

Литература

1. *Вольтер*. Эстетика. Статьи. Письма. Предисловия и рассуждения / Вольтер. – М. : Наука, 1974. – 392 с.
2. *Лабрюйер Ж. де*. Характеры, или Нравы нынешнего века / Ж. де Лабрюйер // Максимумы. – М. : Пушкинская библиотека, 2004. – 796 с.
3. *Хатчесон Ф.* Исследования о происхождении наших идей красоты и добродетели / Ф. Хатчесон // Эстетика / Ф. Хатчесон, Д. Юм, А. Смит. – М. : Искусство, 1973. – С. 41–269.
4. *Юм Д.* О норме вкуса / Д. Юм // Эстетика / Ф. Хатчесон, Д. Юм, А. Смит. – М. : Искусство, 1973. – С. 303–326.
5. *Бёрк Э.* Философское исследование о происхождении наших идей прекрасного и возвышенного / Э. Бёрк. – М. : Искусство, 1979. – 238 с.
6. *Мееровский Б.* Эдмунд Бёрк как эстетик / Б. Мееровский // Бёрк Э. Философское исследование о происхождении наших идей прекрасного и возвышенного. – М. : Искусство, 1979. – С. 14–38.
7. *Кант И.* Критика способности суждения / И. Кант. – М. : Искусство, 1994. – 367 с.
8. *Кант И.* Критика способности суждения / И. Кант. – СПб. : Наука, 2006. – 512 с.
9. *Столович Л. Н.* Философия красоты / Л. Н. Столович. – М. : Политиздат, 1978. – 118 с.
10. *Гайденко П. П.* Прорыв к трансцендентному : новая онтология XX века / П. П. Гайденко. – М. : Республика, 1997. – 496 с.
11. *Шишкин В. В.* Королевский двор и политическая борьба во Франции в XVI–XVII вв. / В. В. Шишкин. – СПб. : Евразия, 2004. – 288 с.
12. *Грасиан Б.* Карманный оракул / Б. Грасиан // Грасиан Б. Карманный оракул. Критикон / Б. Грасиан. – М. : Наука, 1981. – С. 5–66.
13. *Грасиан Б.* Критикон / Б. Грасиан // Грасиан Б. Карманный оракул. Критикон / Б. Грасиан. – М. : Наука, 1981. – С. 67–495.
14. *Ницше Ф.* Человеческое, слишком человеческое / Ф. Ницше. – СПб. : Азбука ; Азбука-Аттикус, 2012. – 384 с.
15. *Буало Н.* Письмо к г-ну Перро, члену Французской академии / Н. Буало // Спор о древних и новых. – М. : Искусство, 1985. – С. 315–322.

Воронежский государственный университет

Вяткина А. Г., кандидат философских наук, преподаватель кафедры онтологии и теории познания

E-mail: alla.vyatkina@mail.ru

Тел.: 8-908-130-64-09

Voronezh State University

Vyatkina A. G., Candidate of Philosophical Sciences, Lecturer of the Ontology and Theory of Knowledge Department

E-mail: alla.vyatkina@mail.ru

Tel.: 8-908-130-64-09